

Станислав МИНАКОВ

«ТАКАЯ ВОЙНА ОЧИЩАЕТ ЗАРАЖЕННЫЙ ВОЗДУХ ОТ СКОПИВШИХСЯ МИАЗМОВ»

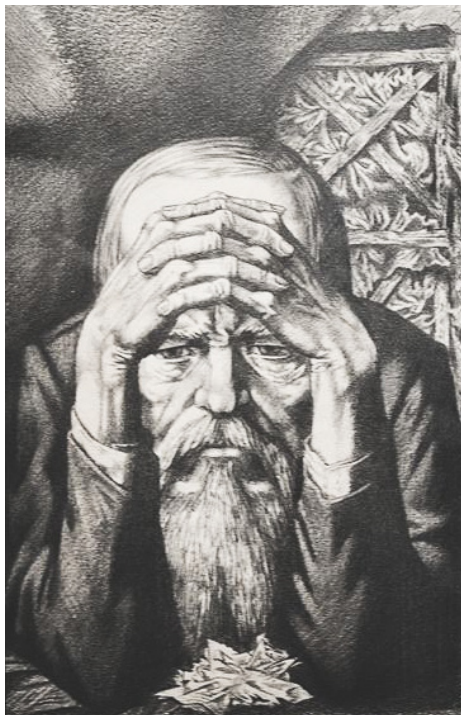
Читая Достоевского. «Дневник писателя», апрель 1877 г.

Мы хорошо знаем, что Федор Михайлович был провидцем. В новейшее время часто цитируют его актуальнейшее высказывание о неблагодарности славянских народов, которые, не помня родства, выступают против России, как только ослабнут имперские скрепы.

Читая «Дневник писателя», казалось бы, произведения всемирно известного, с изумлением находим всё новые пласты глубоких, пророческих мыслей гения.

Сегодня весьма важно и интересно хотя бы выборочно прочесть четыре главки записей Достоевского о войне, сделанных в апреле 1877 г., когда российский император Александр II объявил войну Турции, в защиту балканских славян.

Всё это сказано 145 лет, то есть почти полтора столетия назад!

*Станислав Косенков.
Портрет Ф.М. Достоевского*

I. ВОЙНА. МЫ ВСЕХ СИЛЬНЕЕ

Поразительно, словно сегодня написано:

«Все чувствуют, что началось что-то окончательное, что наступает какой-то конец чего-то прежнего, долгого, длинного прежнего и делается шаг к чему-то совсем уже новому, к чему-то преломляющему прежнее надвое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шаг этот делает Россия! Вот в этом-то и неверие „премудрых“ людей. Инстинктивное предчувствие есть, а неверие продолжается: Россия! Но как же она может, как она смеет? Готова ли она? Готова ли внутренне, нравственно, не только матерьяльно? Там Европа, легко сказать – Европа! А Россия, что такое Россия? И на такой шаг?..

Но народ верит, что он готов на новый, обновляющий и великий шаг. Это сам народ поднялся на войну, с царем во главе. Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился, и все поздравляли друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слышали, и всё это даже здесь в Петербурге. И опять начались те же дела, те же факты, как и в прошлом году: крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводы, и вдруг эти тысячи людей как один человек восклицают: „Да что жертвы, что подводы, мы все пойдем воевать!“ Здесь в Петербурге являются жертвователи на раненых и больных воинов, дают суммы по несколько тысяч, а записываются неизвестными. Таких фактов множество, будут десятки тысяч подобных фактов, и никого ими не удивишь. Они означают лишь, что весь народ поднялся за истину, за святое дело, что весь народ поднялся на войну и идет. О, мудрецы и эти факты отрицать будут, как и прошлогодние; мудрецы всё еще, как и недавно, продолжают смеяться над народом, хотя и заметно притихли их голоса. ... А меж тем сила-то их приходит к концу. Близятся они к страшному краху, и когда разразится над ними крах, пустятся и они говорить другим языком, но все увидят, что они бормочут чужие слова и с чужого голоса...»

О тех, кого писатель называет мудрецами, тоже сказано точно, в самую зеницу и нынешнего дня.

А над этим следует глубоко задуматься:

«Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь “братьев-славян”, измученных турками, поднимаемся мы а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте. Мудрецы кричат и указывают, что мы погибаем и задыхаемся от наших собственных внутренних неустройств, а потому не войны желать нам надо, а, напротив, долгого мира, чтобы мы из зверей и тупиц могли обратиться в людей, научились порядку честности и чести...»

...Нет, видно, правда, что истина покупается лишь мученичеством. Миллионы людей движутся и страдают и отходят бесследно, как бы предназначенные никогда не понять истину. Они живут чужою мыслию, ищут готового слова и примера, схватываются за подсказанное дело. Они кричат, что за них авторитеты, что за них Европа. Они свистят

на несогласных с ними, на всех презирающих лакейство мысли и верящих в свою собственную и народа своего самостоятельность...

...Нам нужна война и победа. **С войной и победой придет новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня, как прежде, – да что как прежде: как до сих пор, господа!**

...И начало теперешней народной войны, и все недавние предшествовавшие ей обстоятельства показали лишь наглядно всем, кто смотреть умеет, всю народную целость и свежесть нашу, и до какой степени не коснулось народных сил наших то растление, которое загноило мудрецов наших. И какую услугу оказали нам эти мудрецы перед Европой! Они так недавно еще кричали на весь мир, что мы бедны и ничтожны, они насмешливо уверяли всех, что духа народного нет у нас вовсе, потому что и народа нет вовсе, потому что и народ наш и дух его изобретены лишь фантазиями доморощенных московских мечтателей, что восемьдесят миллионов мужиков русских суть всего только миллионы косных, пьяных податных единиц, что никакого соединения царя с народом нет, что это лишь в прописях, что всё, напротив, расшатано и проедено нигилизмом...»

Ещё про «пятую колонну», которую еще Пушкин называл «клеветники России». Да и в целом про коллективный Запад:

«Капут России и жалеть нечего!» Вот эти-то родные мысли мудрецов наших и облетели Европу, и особенно через европейских корреспондентов, нахлынувших к нам накануне войны изучить нас на месте, рассмотреть нас своими европейскими взглядами и измерить наши силы своими, европейскими мерками. И, само собою, они слушали одних лишь “премудрых и разумных” наших. **Народную силу, народный дух все проглядели, и облетела Европу весть, что гибнет Россия, что ничто Россия, ничто была, ничто и есть и в ничто обратится. Дрогнули сердца исконных врагов наших и ненавистников, которым мы два века уж досаждаем в Европе, дрогнули сердца многих тысяч жидов европейских и миллионов вместе с ними жидовствующих “христиан”; дрогнуло сердце Биконсфильда: сказано было ему, что Россия всё перенесет, всё, до самой срамной и последней пощечины, но не пойдет на войну – до того, дескать, сильно ее “миролюбие”. Но Бог нас спас, на слав на них на всех слепоту; слишком уж они поверили в погибель и в ничтожность России, а главное-то и проглядели. Проглядели они весь русский народ, как живую силу, и проглядели колоссальный факт: союз царя с народом своим!»**

Как точно, актуально, уместно:

«Кроме того, не могли они никак понять и поверить тому, что царь наш действительно миролюбив и действительно так жалеет кровь человеческую: они думали, что всё это у нас из “политики”. Не видят они ничего даже и теперь: они кричат, что у нас вдруг, после царского манифеста, появился “патриотизм”. Да разве это патриотизм, разве это единение царя с народом на великое дело есть только патриотизм? В том-то и главная наша сила, что **они совсем не понимают России, ничего не понимают в России! Они не знают, что мы непобедимы ничем**

в мире, что мы можем, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным. Что мы не Франция, которая вся в Париже, что мы не Европа, которая вся зависит от бирж своей буржуазии и от “спокойствия” своих пролетариев, покупаемого уже последними усилиями тамошних правительств и всего лишь на час. Не понимают они и не знают, что если мы захотим, то нас не победят ни жида всей Европы вместе, ни миллионы их золота, ни миллионы их армий, что если мы захотим, то нас нельзя заставить сделать то, чего мы не пожелаем, и что нет такой силы на всей земле.

...Не понимают эти хорошие люди, что у нас, в нашей необозримой и своеобразной, в высшей степени не похожей на Европу стране, даже тактика военная (столь общая вещь!) может быть совсем не похожая на европейскую, что основы европейской тактики – деньги и ученые организации шестисоттысячных войсковых нашествий могут споткнуться о землю нашу и наткнуться у нас на новую и неведомую им силу, основы которой лежат в природе бесконечной земли русской и в природе всеединящегося духа русского. Но пусть пока еще не знают этого у нас столь многие и хорошие люди (не знают и робеют). Но зато знают это цари наши, и чувствует это народ наш. Александр I знал про эту своеобразную силу нашу, когда говорил, что отрастит себе бороду и уйдет в леса с народом своим, но не положит меча и не покорится воле Наполеона. И, уж конечно, об такую силу разбилась бы вся Европа вместе, потому что не хватит у ней на такую войну ни денег, ни единства организации...»

II. НЕ ВСЕГДА ВОЙНА БИЧ, ИНОГДА И СПАСЕНИЕ

«...Н – развивает тему Достоевский, – они проповедуют о человеколюбии, о гуманности, они скорбят о пролитой крови, о том, что мы еще больше озвереем и осквернимся в войне и тем еще более отдалимся от внутреннего преуспевания, от верной дороги, от науки. Да, война, конечно, есть несчастье, но много тут и ошибки в рассуждениях этих, а главное – довольно уж нам этих буржуазных нравоучений! **Подвиг самопожертвования кровью своею за всё то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса. Подъем духа нации ради великодушной идеи – есть толчок вперед, а не озверение.** Конечно, мы можем ошибаться в том, что считаем великодушной идеей; но если то, что мы почитаем святынею, – позорно и порочно, то мы не избежим кары от самой природы: позорное и порочное несет само в себе смерть и, рано ли, поздно ли, само собою казнит себя. Война, например, из-за приобретения богатств, из-за потребности ненасытной биржи, хотя в основе своей и выходит из того же общего всем народам закона развития своей национальной личности, но бывает тот предел, который в этом развитии переходить нельзя и за которым всякое приобретение, всякое развитие значит уже излишек, несет в себе болезнь, а за ней и смерть. Так, Англия, если б стала в теперешней

восточной борьбе за Турцию, забыв уже окончательно, из-за торговых выгод своих, стоны измученного человечества, – без сомнения, подняла бы сама на себя меч, который, рано ли, поздно ли, а опустился бы ей самой на голову. Наоборот: что святее и чище подвига такой войны, которую предпринимает теперь Россия?

...Если Россия, столь бескорыстно и правдиво ополчившаяся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен, впоследствии и усилится ими же, то всё же, и в этом даже случае, явит собою самый исключительный пример, которого уж никак не ожидает Европа, меряющая на свой аршин. Усилясь, хотя бы даже чрезмерно, союзом своим с освобожденными ею племенами, она не бросится на Европу с мечом, не захватит и не отнимет у ней ничего, как бы непременно сделала Европа, если б нашла возможность вновь соединиться вся против России, и как делали в Европе все нации, во всю жизнь свою, чуть только получала какая-нибудь из них возможность усилиться на счет свой соседки...»

А это даже не слова, а подлинная хоругвь:

«Да, вправду виновата ли Европа, если после этого не может понять назначения России? **Им ли, гордым, ученым и сильным, понять и допустить хоть в фантазии, что Россия предназначена и создана, может быть, для их же спасения и что она только, может быть, произнесет наконец это слово спасения!** О да, да, конечно – мы не только ничего не захватим у них и не только ничего не отнимем, но именно тем самым обстоятельством, что чрезмерно усилимся (союзом любви и братства, а не захватом и насилием), – тем самым и получим наконец возможность не обнажать меча, а, напротив, в спокойствии силы своей явить собою пример уже искреннего мира, международного всеединения и бескорыстия. Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учаю у них и уча их, и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю. О, пускай сменяются над этими “фантастическими” словами наши теперешние “общечеловеки” и самооплевники наши, но мы не виноваты, если верим тому, то есть идем рука в руку вместе с народом нашим, который именно верит тому. **Спросите народ, спросите солдата: для чего они подымаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, – и все скажут вам как один человек, что идут, чтоб Христу послужить и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате».**

А до чего ж точен неологизм Достоевского – «самооплевники»!

«...Идея наша свята, и война наша вовсе не “вековечный и зверский инстинкт неразумных наций”, а именно первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить, к достижению

воистину международного единения и воистину человеколюбивого преуспевания! Итак, не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть».

III. СПАСЕТ ЛИ МИР ПРОЛИТАЯ КРОВЬ?

Дальше у писателя следуют слова воистину библейской мощи, совсем непросто востимые:

«Но кровь, но ведь все-таки кровь», – наладили мудрецы, и, право же, все эти казенные фразы о крови – всё это подчас только набор самых ничтожнейших высоких слов для известных целей. **Биржевики, например, чрезвычайно любят теперь толковать о гуманности. И многие, толкующие теперь о гуманности, суть лишь торгующие гуманностью. А между тем крови, может быть, еще больше бы пролилось без войны.** Поверьте, что в некоторых случаях, если не во всех почти (кроме разве войн междоусобных), – война есть процесс, которым именно с наименьшим пролитием крови, с наименьшею скорбию и с наименьшей тратой сил достигается международное спокойствие и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношения между нациями.

Разумеется, это грустно, но что же делать, если это так. **Уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока.** И чем лучше теперешний мир между цивилизованными нациями – войны? Напротив, скорее мир, долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда родит жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное – умственный застой. В долгий мир жиреют лишь одни палачи и эксплуататоры народов. Налажено, что мир родит богатство – но ведь лишь десятой доли людей, а эта десятая доля, заразившись болезнями богатства, сама передает заразу и остальным девяти десятым, хотя и без богатства. Заражается же она развратом и цинизмом. От излишнего скопления богатства в одних руках рождается у обладателей богатства грубость чувств. Чувство изящного обращается в жажду капризных излишеств и ненормальностей. Страшно развивается сладострастие. Сладострастие родит жестокость и трусость. Грузная и грубая душа сладострастника жесточе всякой другой, даже и порочной души. ... Жестокость же родит усиленную, слишком трусливую заботу о самообеспечении. Эта трусливая забота о самообеспечении всегда, в долгий мир, под конец обращается в какой-то панический страх за себя, общается всем слоям общества, родит страшную жажду накопления и приобретения денег. Теряется вера в солидарность людей, в братство их, в помощь общества, провозглашается громко тезис: «Всякий за себя и для себя»; бедняк слишком видит, что такое богач и какой он ему брат, и вот – все уединяются и обособляются. Эгоизм умерщвляет великодушные.

...Буржуазный долгий мир, все-таки, в конце концов, всегда почти зарождает сам потребность войны, выносит ее сам из себя как жалкое

следствие, но уже не из-за великой и справедливой цели, достойной великой нации, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам, из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков, – словом, из-за причин, не оправдываемых даже потребностью самосохранения, а, напротив, именно свидетельствующих о капризном, болезненном состоянии национального организма. Интересы эти и войны, за них предпринимаемые, развращают и даже совсем губят народы, тогда как **война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи – такая война лишь очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, объявляет и ставит твердую цель, дает и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех членов, составляющих нацию.**

...Мы воротимся с сознанием совершенного нами бескорыстного дела, с сознанием того, что славно послужили человечеству кровью своей, с сознанием обновленной силы нашей и энергии нашей – и всё это вместо столь недавнего позорного шатания мысли нашей, вместо мертвящего застоя нашего в заимствованном без толку европеизме. Главное же, приобщимся к народу и соединимся с ним теснее, – ибо у него и в нем одном найдем исцеление от двухвековой болезни нашей, от двухвекового непроезжистого слабосилия нашего».

Поэт и прозаик, исследователь литературы Юрий Милославский, ныне живущий в Нью-Йорке, высказал такое суждение (о другой войне): «Великое и трагическое – бессмертное достижение русского духа. ... Не следует ли нам повторить слова великого святителя: “Слава Богу, что (эта) война была”? Страшная цена, но, быть может, промысел Господень в том, что Великая Отечественная война стала, по Его воле, горным взлетом русского соборного сознания, в котором соединилось всё лучшее от духа народов России».

Трудно вместить эту мысль!?

Но вот и Федор Достоевский: «...Не проходило поколения в истории европейской, с тех пор как мы ее запомним, без войны. Итак, видно, и война необходима для чего-нибудь, целительна, облегчает человечество. Это возмутительно, если подумать отвлеченно, но на практике выходит, кажется, так, и именно потому, что для зараженного организма и такое благое дело, как мир, обращается во вред. Но все-таки **полезною оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великодушного принципа, а не для матерьяльного интереса, не для жадного захвата, не из гордого насилия. Такие войны только сбивали нации на ложную дорогу и всегда губили их. Не мы, так дети наши увидят, чем кончит Англия. Теперь для всех в мире уже “время близко”. Да и пора».**

IV. МНЕНИЕ «ТИШАЙШЕГО» ЦАРЯ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

Завершает свои мысли о войне великий русский религиозный писатель Достоевский цитатой из сочинения Ив. Оболенского «Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, по запискам архидиакона Павла Алеппского», изданного в Киеве в 1876 г.

«Страница из сочинения чужого, – подчеркивает автор, – но она столь характерна и столь любопытна в теперешнюю нашу минуту ... что я решился поместить эти несколько строк в “Дневнике”. Это мнение царя Алексея Михайловича о Восточном вопросе – тоже “тишайшего” царя, но жившего еще два века тому назад, и его тогдашние слезы о том, что он не может быть царем-освободителем».

Вот эта замечательная царская цитата, словно о сегодняшнем дне, которой мы завершим наши чтения «Дневника писателя»:

«Говорили, что на Св. Пасху (1656 г.) государь, христосуясь с греческими купцами, бывшими в Москве, сказал между прочим к ним: “Хотите ли вы и ждете ли, чтобы я освободил вас из плена и выкупил?” И когда они отвечали: “Как может быть иначе? как нам не желать этого?” – он прибавил: “Так, – поэтому, когда вы возвратитесь в свою сторону, просите всех монахов и епископов молить Бога и совершать литургию за меня, чтобы их молитвами дана была мне мощь отрубить голову их врагу”. И, пролив при этом обильные слезы, он сказал потом, обратившись к вельможам: **“Мое сердце сокрушается о порабощении этих бедных людей, которые стонут в руках врагов нашей веры; Бог призовет меня к отчету в день суда, если, имея возможность освободить их, я пренебрегу этим. Я не знаю, как долго будет продолжаться это дурное состояние государственных дел, но со времени моего отца и предшественников его к нам не переставали приходить постоянно с жалобой на угнетение поработителей патриархи, епископы, монахи и простые бедняки, из которых ни один не приходил иначе, как только преследуемый суровою печалью и убегая от жестокости своих господ; и я боюсь вопросов, которые мне предложит Творец в тот день: и порешил в своем уме, если Богу угодно, что потрачу все свои войска и свою казну, пролью свою кровь до последней капли, но постараюсь освободить их”**. На всё это вельможи отвечали ему: “Господи, даруй по желанию сердца Твоего”».

*Станислав Александрович МИНАКОВ,
писатель. г. Белгород*

